

Вообще-то фамилия Можейко ассоциируется у большинства исключительно с тележурналистом, имеющим довольно экзотическое имя — Кипрас. Вот и судите после этого, как тяжело приходилось его однофамильцу, некоему Игорю Всеволодовичу: чтобы перещеголять именитого телевизионщика, ему даже пришлось превратиться в загадочного Кира Булычева. И хотя у некоторых, в том числе и у самого писателя, есть иное объяснение подобного превращения, сегодня это уже абсолютно не важно. Интересно лишь то, что Булычев не мыслит себя ни скандальным литератором, ни диссидентом. Комфорт ему ближе, чем тюрьма. Однако «Приключениями Алисы» его жизнь не заканчивается.

это писатель-фантаст из России». Радостная улыбка озарила лицо хозяина магазина, и он произнес: «Я счастлив, пан Стругацкий, с вами познакомиться!»

— Понятно — опять скромничаете. Скажите, а вы и про свою докторскую диссертацию будете говорить, что это чрезвычайно скромный труд, не заслуживающий абсолютно никакого внимания? Кстати, на какую она тему?

— Буддизм.

— Видимо, это дань всеобщему увлечению Востоком?

— Нет. Просто я всю жизнь работаю в Институте востоковедения. После окончания иняза меня распределили на стройку в Бирму переводчиком: в то время только-только открылась граница и весь наш выпуск разогнали по стройкам. Через два года я понял, что больше не могу, не моя работа. А тут к нам приехала аспирантка из этого института и я решил попробовать. С тех пор работаю в одной и той же комнате. При той зарплате, которую я получаю, хожу на работу два раза в неделю.

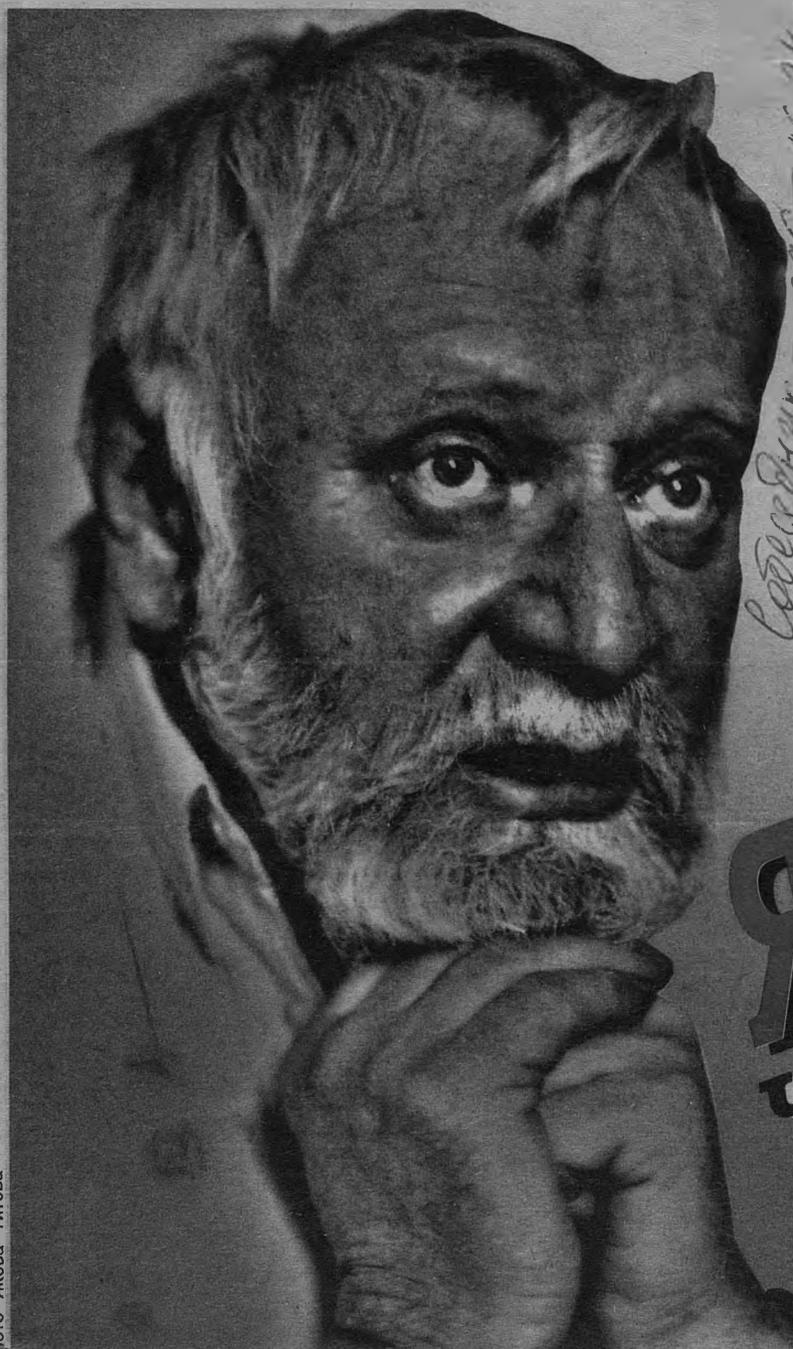
— Видимо, все остальное время посвящаете буддизму?

— (Смеется.) В буддизме, несомненно, есть что-то таинственное, и поэтому мы «кушаем» его в переложении тех восторженных, мистически настроенных европейцев типа Рериха и Блаватской, которые в свое время были агентами КГБ...

— Что, по-моему, до сих пор не доказано. Но дело не в этом. Рериха с Блаватской пытаются «загрызть» за их возможную связь с органами, а вас — за бесконечную историю, начавшуюся с «Девочки, с которой ничего не случится...»

Кир Булычев:

Я НЕ ВЕРЮ, ЧТО ФАНТАСТ МОЖЕТ ЧТО-ТО ПРЕДСКАЗАТЬ

Собеседник — 1996 — № 24 — с. 10

— Мне потребовалось почти два месяца, чтобы разыскать вас. И потому, если я сейчас же не услышу подтверждения того, что вы самый таинственный среди наших фантастов, я буду готова расплакаться.

— Никакой таинственности давно уже нет. Она была только в самом начале, когда я закончил аспирантуру и написал свой первый фантастический рассказ. Тогда я просто испугался, что скажут: «Вот он там профсоюзное собрание прогулял, на картошку не поехал, к товарищу Иванову отнесся не по-товарищески и еще пишет фантастику». Пришлось из чувства самосохранения придумать первую попавшуюся фамилию... А вообще-то больше всего псевдонимов у меня было во времена работы в журнале «Вокруг света». Из-за одного псевдонима — «Сара Фан» даже были неприятности. Меня вызвал редактор и сказал: «Антисемитских псевдонимов мы не потерпим!» Решили поставить «С. Фан». Реакция: «Это что, против корей-

ского народа?!» И тогда я стал «Иван Шлагбаум».

— Неужели вы хотите сказать, что и фамилия Булычев вызывала восторг далеко не у всех?

— Судите сами. Мне, как Киру Булычеву, дали госпремию, а начальство отдела встревожилось и пошло к директору института выяснять, какие надо принимать меры. Директор спросил: «А Можейко план выполняет?» — «Выполняет!» — «Ну так пусть дальше выполняет!» Так я остался живой. Директор потом стал начальником внешней разведки, теперь он — министр иностранных дел.

— С тех пор и вы стали человеком весьма знаменитым. Признайтесь честно, плоды славы приходится пожирать чуть ли не каждый день?

— Да, меня часто упрекают: «Бесконечная история, исписавшийся писатель...» Сейчас, например, вышла Энциклопедия фантастики, где объяснено, что я полностью уже исписался, но ради денег продолжаю мучить детей всеми этими историями про Алису.

— Ну, детиски-то, мне кажется, не сильно мучаются...

— Так они же не читают энциклопедии... Если же говорить серьезно, сейчас и время фантастики, и время фантастического кино, к сожалению, прошло.

— А какой из фильмов по вашим произведениям вы больше всех любите?

— Пожалуй, режиссера Александра Майорова, сделавшего полнометражную картину «Золотые рыбки».

— Мне кажется, «Золотые рыбки» как-то переключаются с «Пикником на обочине» Стругацких: в «Рыбках» все захотели, чтобы одному было хорошо и у человека появилось много ног, а в «Пикнике» пришел один и захотел, чтобы всем было хорошо.

— Эта мысль мне совершенно не приходила. Надеюсь, Стругацкие не списали у меня рассказ.

— У вас получилась как бы противофаза...

— Я понимаю вас, потому что какое-то внутреннее противоречие иногда со Стругацкими у меня было. Не нарочно, — я их поклонник и очень нежно к ним отношусь, но вот, допустим, не так давно вышел мой рассказ «Встреча под Ровно». Там встречаются Гитлер и Сталин. Как ни странно, этот рассказ был порожден внутренним спором со Стругацкими. Их принцип в том, что приходит советский человек и наводит порядок в плохой стране. Поэтому я просто довел эту мысль до полного идиотизма: а почему Гитлер и Сталин не могли бы быть инопланетянами, прилетевшими с другой планеты для того, чтобы навести у нас порядок? Просто мы, как люди низкие, не знаем, что нам хорошо.

— Вы говорите вещи, которые, по моему, никак не сочетаются с тем Булычевым, которого знает большинство. Я говорю об имидже такого милого, «розового» человека...

— ...который пишет про девочку Алису, да? Ничего подобного. Я просто не шумный человек. Я не только никогда не вступал в партию, но и вообще в какие-либо организации. Я не был членом Союза писателей. Я не диссидент и больше люблю комфорт, чем тюрьму. Но в то же время я выбрал для себя какие-то границы, которые не перехожу. Если я вступаю в партию, у меня есть возможность возглавить отдел или стать академиком. Я этого не делаю и живу спокойно. Но, естественно, от такого ха-

делу ее на две части: одну в корзину, другую — в КГБ». Я знаю таких людей, они писали на меня доносы.

— Но вы же не занимались и не занимаетесь политической борьбой...

— Тут дело не во мне, а в людях, активно занимающихся как ею, так и всякими, в том числе и литературными разоблачениями иноземных злопыхателей. Очень часто они просто имеют комплекс маленького человека. Вот у нас — крупных и высоких мужчин — нет этих проблем, поэтому обычно мы добры и спокойны. А маленькому самому трудно найти самку по своему вкусу. Отсюда у них, как у Климова, например, озлобление на женщин.

— Вы говорили, что состоите в какой-то правительственной комиссии...

— Я много лет занимаюсь фалеристикой — это то, что связано с наградами системами и знаками. Когда после 1991 года было решено, что в России надо делать новые ордена, меня пригласили как консультанта. Вообще-то сейчас награждения идут очень стыдливо. Через эту комиссию должны по идее проходить все награждения, но три четверти наград идут через Министерство обороны — за Чечню по заказу Грачева.

— У вас в одном рассказе герой оказывается сразу в трех местах: в одном начальство хорошее, в другом устроили что-то вроде путча...

— Это «Марсианское зелье» — ужасная книжка. Ее издавал некий Саша Гангнус — родной брат Евтушенко, и он, будучи сам литератором, у некоторых рассказов отрезал концы, у других что-то дописал. Я был в ужасе, когда эта книжка вышла. У меня даже не спросили согласия. Это было на заре наших коммерческих изданий.

— Получается, что путч вы предсказали лет за пятнадцать до того, как он на самом деле случился?

— Я не верю предсказаниям. Но когда приходится где-то выступать, я, как писатель-фантаст, обязан знать такой набор: про летающие тарелочки, про телепатов, про будущее. Меня все время путают с Глобой или с Чумаком. Хотя по натуре своей практически все фантасты — скептики, то есть достаточно трезвые люди. Мы во все эти игры играем как писатели, нам смешно, когда в это играют всерьез. Как будто играешь в «Морской бой» и видишь, что это превращается в настоящее сражение. Недавно мне звонил главный редактор газеты «Оракул» и спрашивал, не могу ли я писать ему статьи с предсказанием будущего.

— Вы, понятно, отказались...

— Конечно. Но не обиделся: даже интеллигентные люди путают фантастику с футурологией. Фантастика — это «Нос» Гоголя, это художественная литература. Я знаю только один случай, когда писатель-фантаст предсказал что-то. Это было с Иваном Ефремовым в рассказе «Алмазная труба». Он предсказал открытие алмазного месторождения на Чукотке, да и то потому лишь, что был специалистом и сам там работал. А остальное — от лукавого. Вообще потерялась фантастика, новых людей не пришло. И возникла социальная фантастика близкого прицела. Рассказ о том, как завтра генералы захватят власть и танки выйдут на улицы Москвы. Я имею в виду «Невозвращенец» Кабакова — вот воплощение этого типа литературы, что-то в этом роде есть и у Войновича. Кабаков скорее журналист, чем писатель.

— Давайте все же от Кабакова с Войновичем вернемся к вам лично. Если честно, хочется услышать о вашей самой знаменитой вещи, о «Реке Хронос».

— «Река Хронос» — это то, что мне хотелось бы оставить после себя. Я написал первый роман из этой серии, и редактор ошибочно добавил: «Конец первого тома». Теперь все ждут второго...

рактера я пишу для себя. Последние лет пять я вдруг стал вытаскивать из стола и печатать некоторые вещи.

— Вы все время утверждаете, что вы не диссидент. Можно сделать вывод, что для вас это что-то не слишком приятное.

— Диссидентство вообще никогда не было общественным движением. Даже декабристы имели за собой достаточно крепкую социальную базу, а тут — только сочувствующие. Когда 10–15 человек выступают с лозунгами, то среди них 4 человека — мазохисты, 3 — из КГБ и двое святых. Например, Сахаров, в одиночку осуществлявший противодействие тоталитарной машине. Остальные в чем-то чувствуют себя по жизни ущербными. КГБ даже были выгодны диссиденты: они создавали видимость оппозиции и позволяли поддерживать образ врага.

— Но ведь врага когда-то делали и из фантастов.

— А для фантастов постоянным врагом было издательство «Молодая гвардия». Как-то я спросил у его бывшего главного редактора: «Как вы относитесь к социальной фантастике?» И тот, не отводя крестально чистого взгляда, ответил: «Я